
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

МИФОПОЭТИКА ДОМА В ТЕТРАЛОГИИ Е. Н. ЧИРИКОВА «ЖИЗНЬ ТАРХАНОВА»

И. М. Перепелкин

Данная статья посвящена анализу мифологемы «дом» в тетралогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова». В реферативной части статьи исследователь приходит к выводу, что в русской литературе рубежа XIX – XX веков особенно актуальными становятся ценностная составляющая понятия «жизнь» и мифологема «дом». На основе введения метода последовательного-системного описания «домов» в рассматриваемом тексте исследователь приходит к выводу, что ряд «физических» домов в тетралогии не реализуют свой статус «домашних» пространств. Именно поэтому в ряд «домов» включается тюремный локус, выступающий в качестве «дома памяти», в котором Геннадий Тарханов оказывается способным собрать себя, мир, разрушающийся вокруг, установить порядок и календарь. Тем не менее «домашнее тюрьмы» не реализует себя как настоящий «дом»: это – видимое, иллюзорное, миф о доме, добровольно и собственноручно созданный героем – Геннадием Тархановым.

Ключевые слова: жизнь; дом; дом памяти; тюрьма; Самара.

Литература русского порубежья, формирующаяся в период крупных социально-политических и мировоззренческих сдвигов, не могла не впитать в себя ощущение неотвратимо надвигающейся катастрофы: в коротком времени соседствуют и сменяют друг друга писатели совершенно разных мировоззрений – Л. Н. Толстой с его попытками «собрать» рушащийся мир воедино; А. П. Чехов, понимающий, что собирать уже нечего, а доказывать что-то и спорить – не с кем; И. А. Бунин, тоскующий по той России, которая рушится у него на глазах и в которую уже нельзя вернуться.

Это ощущение надвигающейся катастрофы не могло не повлиять и на художников слова, понимавших, что новый мир еще не наступил, а старый вот-вот рухнет. Отсюда перед ними рождались вопросы, как быть – пытаться сохранить прежний мир или идти навстречу новому. Именно в этот период распутицы и непонимания, как быть дальше, русская литература обратилась к наиболее общим, базовым вопросам мироустройства, одним из которых стал вопрос, так или иначе

связанный с феноменом дома, домашнего. Произошло это по ряду причин, не последнее место среди которых было связано с осознанием того, что дом – это самое интимное, «жизненное» место любого человека в любое время. Дом – это не только пространство, это способ видеть мир, способ жить в этом мире, ощущение своей предзаданности и необходимости следования своим целям. Другими словами, дом – это то небольшое, что продолжало объединять людей в стране, которую все чаще и чаще начинало трясти то по одним, то по другим причинам.

Еще одним актуальным смыслом в литературе рубежа веков становится осознание ценностной составляющей «жизни» как пройденного пути. Чувствуя приближение апокалипсиса, художники слова следовали знакомой им культурной модели, а именно – писали «евангелия», в которых стремились проследить всю жизнь человека от и до и найти ответы на проклятые вопросы. В ряду тех, кто писал «жизни», надо назвать, прежде всего, имена Н. Г. Гарина-Михайловского, И. А. Бунина, М. Горького. Одним из таких имён,

---

© Перепелкин И. М., 2024.

Перепелкин Иван Михайлович (ivan_perpelkin2003@mail.ru),

студент III курса факультета филологии и журналистики Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

незаслуженно забытых по причинам эмиграции в послереволюционные годы, является имя Е. Н. Чирикова, тоже написавшего свое «евангелие» – тетралогию «Жизнь Тарханова». А ключом к поиску ответов на те самые «проклятые вопросы», о которых говорилось выше, художник выбрал «дом» как место, которое позволяет в последний раз собрать весь мир и увидеть в этом мире героя.

Статью, посвященную мифологеме «дом» в тетралогии «Жизнь Тарханова», было бы справедливо начать, прежде всего, с вопроса о том, какой была «жизнь» самого Е. Н. Чирикова. Разумеется, ни одна тема в поэтике большого художника не появляется случайно. Не был исключением из этого правила и Е. Н. Чириков, в жизни которого было много домов: родившись в 1864 г. в Казани, до смерти в 1932 году художник успел пожить в Нижнем Новгороде, Царицыне, Астрахани, Алатыре, Самаре, Болгарии, Петербурге, в Крыму и в Праге. Нам представляется, что такая жизнь – нескончаемое путешествие от обретения дома к его потере – не могла не повлиять на то, что именно тема «дома», «домашнего» легла в основу поэтики автора «Жизни Тарханова».

Семиосфера и мифопоэтика «дома» в творчестве Е. Н. Чирикова напрямую связана с биографией художника и отражает основную трагедию его внутреннего мира – отсутствие постоянного дома и связанную с ним необходимость непрекращающегося поиска новых домов. Говоря о соотношении «жизни» и «дома», мы приходим к выводу о том, что домашнее пространство представляет собой «первомир», центр мироздания, ритмизирующий человеческое существование и противопоставляющий внешний хаос жизни внутреннему космосу, создаваемому индивидуальным и интимным пространством дома. Изучение вопроса о функциональных составляющих мифологемы «дом» в русской литературе рубежа веков показывает, что «дом» выступает как особый знак, наделяющийся такими функциями, как граница и мотив странничества.

Чтобы представить процесс формирования семиотического и эстетического наполнения мифологемы «дом» в тетралогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова», мы ввели последовательное описание появления «домов» в массиве текста. Такая методика

последовательно-системного описания материала позволила нам, с одной стороны, выстроить «систему домов» в тексте и на ее основе построить представление о заданном Е. Н. Чириковым сверхсюжете «поиска дома», а, с другой стороны, помогла отразить общий принцип построения сюжета в тетралогии «Жизнь Тарханова», который организуется по логике встречи с миром, удивления от появления каждого нового дома и поиска в нем себя героем – Геннадием Тархановым.

Основные ценностные составляющие мифологемы «дом» реализуются в тетралогии в четырех волжских городах: Казани, Симбирске, Ставрополе и Самаре. Далее мы тезисно изложим формирующиеся в названных городах ценностные отношения «дом» – «жизнь» и сделаем акцент на одной – последней, самарской, части.

Казанская часть являет собой такой сюжет поиска дома как жизненный путь героя от радостей к страданиям: если первая половина казанской части тетралогии, связанная с мотивами «рождения в мире» и «новой жизнью», организуется путем постепенного введения в повествование все новых домов и смыслов, организующих пребывание в них, то вторая половина этой части представляет собой последовательную потерю ощущения «домашности» локусов, в связи с чем стройная система домов и городского пространства в целом распадается на отдельные постройки и несвязанные воспоминания.

Симбирская часть продолжает логику развития сюжета распада домашнего пространства: если при первом упоминании город предстает как дом Зои и цветущий сад, то в последнем его появлении на страницах тетралогии Симбирск становится пространством, в котором Геннадий Тарханов осознает не только невозможность вернуться в город-сад, но и чувствует внутренний разрыв с миром Божьим, сопровождающийся ощущением тоски и боли.

Ставропольская часть реализует инвертированный сюжет «Обломовки» как идеального пространства дворянской культуры: задавая в качестве центральных локусы усадьбы и сада, Е. Н. Чириков последовательно иллюстрирует их распад на всех уровнях построения текста – от материального до метафизического. Более того, организация

усадебного и садового пространств строится по принципу антиномий – локусов, семантически и эстетически отрицающих смыслы друг друга. Именно в ставропольской части Геннадий Тарханов осознает, что домашнее пространство вызывает у него ощущение не-свободы, духовные страдания и тяжелые воспоминания о прошлом.

Помимо этого стоит сделать еще одно немаловажное замечание: три из четырех городов (соответственно – Казань, Симбирск и Ставрополь) появляются на страницах тетралогии трижды, и только Самара единожды. Наше исследование показало, что это может быть следствием того, что семантика первых трех городов связана с узнаванием, знакомством с миром во всех его проявлениях, попыткой поставить вопрос о том, почему каждый раз дом ускользает из жизни Геннадия Тарханова. Последняя, самарская, часть подводит итог всем исканиям героя и дает ответ на поставленные вопросы – если в этом мире больше нельзя найти дом внешний, физический, то стоит открыть дверь в «дом памяти», найти в себе силы задать те самые «пруклятые вопросы» и, тем самым, обрести свободу внутреннюю, душевную, прийти к покаянию. А вопросу о том, что за «пруклятые вопросы» ставит перед собой Е. Н. Чириков и его герой в «Жизни Тарханова», и почему тюрьма становится местом покаяния, будет посвящена дальнейшая часть наших рассуждений.

Самара: тюрьма как «дом памяти»

В тезисном изложении изображения городов, предстоящих самарскому локусу в тетралогии, мы постарались сделать акцент на том, что герой Е. Н. Чирикова, не находя возможности вернуться домой духовно, в те же локусы, которые не просто были домом для него ранее, а осознавались им как «домашнее» пространство, приходит к важному для себя открытию: если возвращение в физические дома не приносит чувства свободы и облегчения от страданий духовных, то стоит лишиться себя физической свободы и встать на путь духовного возвращения и внутренней свободы. Именно таким «домом памяти» и становится тот локус, в который Геннадий Тарханов стремится после второй ставропольской части, – самарская тюрьма.

Самарский тюремный локус оказывается достаточно необычным по сравнению со всеми рассмотренными ранее. Так, если отношения Геннадия Тарханова с локусами, рассмотренными в предыдущих главах, складывались на основе того, что, во-первых, герой был вынужден пребывать в том или ином пространстве не по своей воле, а по стечению обстоятельств, во-вторых, локусы с априори положительными коннотациями реализовывали себя как деструктивные (например, родовое имя), то самарский тюремный локус, вопреки ожиданиям, реализует себя как пространство, в которое сам герой стремится попасть (и, как мы увидим далее, прилагает к этому немалые усилия), а негативная семантика локуса не только не реализуется, но, наоборот, обнаруживает себя как уютное, родное и «домашнее».

Геннадий Тарханов описывает свою дорогу в самарскую тюрьму следующим образом: «Так как я уехал из места ссылки “самовольно”, то по дороге меня могли арестовать и привлечь к суду за побег. Это могло повести к новой ссылке и к новому периоду поднадзорности... поэтому ехать приходилось осторожно, с опаской и оглядками, чтобы не перехватила и дали мне возможность сесть в тюрьму добровольно...» [1, с. 136].

Оказавшись в тюремной камере, Тарханов описывает ее как локус, семантически противоположный родовому имени: «Очувтившись в одиночной камере, я почувствовал себя так, словно очень долго гостил у знакомых и приехал, наконец, домой» [1, с. 137]. Сделаем здесь важное замечание: как и во второй казанской части, именно к локусу тюрьмы герой Е. Н. Чирикова прилагает понятие «домашнего», говорит о нем, как об «alma mater». И снова, как и во второй казанской части, тюремный локус характеризуется порядком, жизнь в ней приобретает четкое расписание: «Устроил постель, разложил на столике книги, тетради, письменные принадлежности, развесил по стенкам платье, вообще навел порядок и красоту...» [1, с. 137].

Тюрьма также становится локусом, в котором, в отличие от родового имени, Геннадий Тарханов приходит к спокойствию внутреннему: «Хорошо! И так ясно на душе и в голове! Кто я такой? Политический! Ясно...» [1, с. 137].

Наиболее показательной становится характеристика тюремного локуса, которую дает сам Геннадий Тарханов: «Как родного сына приняла меня тюрьма-матушка... (в отличие от «отчего дома», в котором герой почувствовал себя чужим!) Тюремная администрация была со мной предупредительна и любезна... Меня называли либо по имени и отчеству, либо “вашим высокородием”, и часто выходило так, точно я сидел у них из любезности» [1, с. 137]. На основе приведенной цитаты необходимо сделать еще одно важное заключение – герой пребывает в тюрьме не как лишенный свободы, а «из любезности», добровольно приняв на себя внешнюю физическую несвободу для того, чтобы, как мы видим из текста романа, у него на душе, наконец, стало ясно и спокойно.

Необходимо также отметить, что на всем протяжении своего пребывания в самарской тюрьме герой по разным причинам испытывает лишь чувства радости («...трудно передать радость, которая овладевает писателем при виде первой книжки своих произведений...» [1, с. 139]) и нежной любви («...с нежной любовью разрезаешь страницы новой книжки...» [1, с. 139]).

В аспекте рассмотрения проблемы душевной свободы, которую обретает герой в данном локусе, необходимо прокомментировать еще один эпизод, связанный с окончанием срока пребывания в самарской тюрьме: «Пришло, наконец, девятое мая – день моего освобождения. Я встретил его с достоинством: спокойно, без аффекта и былых телячьих восторгов. После близкого знакомства с Ницше, я ценил другое, внутреннее освобождение человека, и не придавал особенного значения этому внешнему и условному...» [1, с. 141].

Именно к такому противоречивому выводу приходит Геннадий Тарханов: лишь отказавшись от свободы физической, внешней, герой оказывается способным обрести свободу и покой внутренний. Показательно еще то, что только в тюрьме Геннадий Тарханов, как было сказано выше, начинает отмечать для себя знаки высшего уровня – это и крест в казанской тюрьме, это и наступление Пасхи, Масленицы и Великого поста, это и молитва, единящая всех и все на свете: «Христос воскрес из мертвых... смертию смерть поправ и

сущим во гробех живот даровав! Христос воскрес!» [2, с. 229].

Таким образом, несмотря на изначально отрицательную коннотацию тюремного локуса, в тетралогии Е. Н. Чирикова тюрьма становится именно тем «домом памяти», в котором Геннадий Тарханов оказывается способным собрать себя, мир, разрушающийся вокруг, установить порядок и календарь.

Однако в качестве вывода стоит внести еще один тезис, которому и будет посвящено заключение. Тюрьма как «дом памяти», несмотря на то, что лишь этот локус реализует себя как по-настоящему «домашнее пространство», все равно не начинает функционировать как настоящий дом. «Домашнее тюрьмы» – видимое, иллюзорное, миф о доме, по какой-то причине добровольно и собственноручно созданный Геннадием Тархановым.

Заключение

Предваряя подведение итогов, сделаем ряд значимых для настоящего исследования замечаний, которые, хоть и будут носить функциональный характер, тем не менее, помогут нам наметить дальнейший ход размышлений.

Во-первых, «дом» в мифопоэтике тетралогии не всегда связывается с четко ограниченным в пространстве представлением о здании, в котором человек проводит частную, индивидуальную жизнь. Так, в тетралогии «Жизнь Тарханова» в качестве «дома» наравне с традиционным в этом отношении пространством усадьбы как некоего замкнутого индивидуального места выступают такие локусы как университет, театр, тюрьма – и шире – город. В таком случае мы наблюдали две противонаправленные тенденции: с одной стороны, изначально недомашнее, общественное пространство обрастает индивидуальными смыслами, включаясь тем самым в систему «домов». С другой стороны, под сомнение ставится статус «домашности» и уюта наиболее индивидуальных и закрытых для мира пространств – усадьбы и отчего дома.

В связи со сказанным выше стоит отметить, что «дом» в мифопоэтике Е. Н. Чирикова выступает не столько как физическое пространство, сколько как внутренний, духовный локус или, лучше сказать, способ видения мира, «дом души».

Во-вторых, стоит отметить такую особенность видения мира, как радость, которая у Е. Н. Чирикова часто соседствует с «грустью», «страданием», «страхом», «тревогой», «печалью» и «Великим Страданием». Едва появляясь в «Жизни Тарханова», «радостное» уже жаждет обернуться «печальным» или «тревожным», влечет за собой «страх» или «страдание».

«В-третьих, рассмотренный материал позволяет нам сделать следующее замечание: вся система «домов» в тетралогии не реализует себя как по-настоящему «домашнее» и интимное пространство, а, наоборот, развивается по сюжету распада «сада» и потери дома, что в итоге приводит к добровольному уходу Геннадия Тарханова в самарскую тюрьму. Именно вопросам о том, почему среди всей системы домов именно тюрьма претендует на конечный смысл «домашнего» локуса, а также – что в тетралогии омрачает «радость», будет посвящена основная часть заключения.

Изучая типологическую картину русской классической литературы, Г. Ю. Карпенко отмечает, что «русская классика изображает уже ищущего человека: он живет в расколотом мире, в конфликте с ним: все ценности – от человека до Бога – “пошатнулись”, подверглись сомнению, проблематизировались» [3, с. 163]. Выражением такого ценностного переворота, по мнению исследователя, становится изменение сюжетной схемы: «...они ведут своих героев через ряд разных и разнокачественных испытаний, но цель их одна – привести если не героя, то читателя к точке преображения, откуда бы открывались и новое небо, и новая земля, откуда бы началось пространство абсолютного Блага» [3, с. 167].

Судя по всему, «домашнее» в тетралогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» вписывается в обозначенную парадигму: для того, чтобы испытать «Большую Радость», человек рубежа веков непременно должен испытать «Великое Страдание». Выстраивая данный метасюжет, Е. Н. Чириков понимал, что спасению и Большой Радости всегда предшествует грех и покаяние. В связи с этим, для понимания места тюрьмы в системе домов нам будет необходимо привести два контекста – малый толстовский и большой – Евангельский.

Так, в «Воскресении», где Нехлюдов также добровольно следует за Катюшей Масловой в Сибирь, встречаем эпизод: «Он (Нехлюдов – И. П.) вспоминал слова американского писателя Торо, который, в то время как в Америке было рабство, говорил, что единственное место, приличествующее честному гражданину в том государстве, в котором узаконивается и покровительствуется рабство, есть тюрьма. Точно так же думал Нехлюдов, особенно после поездки в Петербург и всего, что он узнал там. “Да, единственное приличествующее место честному человеку в России в теперешнее время есть тюрьма!”» [4, с. 313–314].

В Евангелии от Матфея находим: «...или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» [Мф 26:53].

Приведенные нами контексты позволяют сделать следующий вывод: Геннадий Тарханов, так же, как и Христос, и следующий евангельскому сюжету Нехлюдов, реализуют одну и ту же модель. Путь Спасения – это, прежде всего путь жертвоприношения, а наступление завтрашнего дня невозможно без покаяния во дне сегодняшнем. Именно эти смыслы и реализует тюремный локус тетралогии «Жизнь Тарханова», это и омрачает «Большую Радость» Е. Н. Чирикова: попасть в «общий дом», в который так стремится Геннадий Тарханов невозможно, без осознания своего греха и покаяния. С этим связан и отмеченный нами страх войти в дом, и постоянная потеря, распад домашнего. Осознав и сформулировав для себя еще в Симбирске: «Нет, не могу молиться», Е. Н. Чириков в лице Геннадия Тарханова понимает, что «дом» так и не удастся найти, пока человек не примет грех и не покается. А местом такого покаяния в тетралогии становится тюрьма, выступающая как «дом памяти». Именно в этом антидоме, в который Геннадий Тарханов стремится попасть добровольно в самарской части, и лежит ответ на вопрос, как открыть дверь в «общий дом». Здесь важно понимать, что герой Е. Н. Чирикова, как и Христос в Гефсиманском саду, осознает, что спастись физически, остаться на свободе – можно, но это не принесет спасения духовного, внутреннего, не принесёт за собой дня завтрашнего.

Именно это, на наш взгляд, и омрачает «Большую радость» тетралогии: Е. Н. Чириков, как и его герой – Тарханов, по-настоящему любят жизнь и каждый раз её благословляют. Но в то же время они понимают, что Жизнь теряет смысл, если в ней нет Дома. Поэтому герой Е. Н. Чирикова и жертвует своей свободой, своими домами физическими ради того, чтобы прийти к покаянию и открыть дверь в дом завтрашнего дня.

Литература

1. Чириков Е. Н. Жизнь Тарханова. Тетралогия в 2-х тт. Т.2. Романы «Возвращение» и «Семья». СПб.: Маматов, 2023. 608 с.

2. Чириков Е. Н. Жизнь Тарханова. Тетралогия в 2-х тт. Т. 1. Романы «Юность» и «Изгнание». СПб.: Маматов, 2023. 592 с.

3. Карпенко Г. Ю. Типологическая модель русской классики // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1. С. 162–167.

4. Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22-х т. Т. 13. Воскресение. М.: Художественная литература, 1983. 494 с.

MYTHOPOETICS OF THE HOUSE IN E. N. CHIRIKOV'S TETRALOGY «TARKHANOV'S LIFE»

I. M. Perepelkin

This article is devoted to the analysis of the mythologeme «house» in E. N. Chirikov's tetralogy “The Life of Tarkhanov”. In the abstract part of the article, the researcher concludes that in Russian literature at the turn of the XIX – XX centuries, the value component of the concept of “life” and the mythologeme «home» become especially relevant. Based on the introduction of the method of consistent systematic description of «houses» in the text under consideration, the researcher concludes that a number of «physical» houses in the tetralogy do not realize their status as «home» spaces. That is why the prison locus is included in the series of «houses», acting as a “house of memory”, in which Gennady Tarkhanov is able to assemble himself, the world collapsing around him, establish order and a calendar. Nevertheless, the “domestic prison” does not realize itself as a real «house»: it is a visible, illusory, myth about the house, voluntarily and personally created by the hero Gennady Tarkhanov.

Key words: life; house; house of memory; prison; Samara.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024 г.